

древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон-Штерна (Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXX). Одесса, 1912. XXIV+413+II стр. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 5.

15. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 6. 4 л.

16. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 7. 5 л.

17. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 8. 7 л.

18. НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 9. 7 л

И.Н. Каланчина

Отражение евразийского культурного кода в этическом дискурсе В. М. Шукшина на примере рассказа «Забуксовал»

Как справедливо отмечают многие исследователи, несмотря на то, что в последние десятилетия значительно снизился интерес к классической литературе, и отдельные произведения изъяты из образовательных программ под предлогом недоступности школьникам их «слишком глубокого философского содержания», тем не менее, наследие выдающихся отечественных писателей продолжает оказывать (правда, зачастую опосредованное) влияние на формирование национального самосознания и цивилизационной идентичности наших современников. Ключевые идеи и смыслы творчества классиков продолжают транслироваться – с помощью экзистенциальных смыслов, своеобразной поэтики художественных образов, неповторимого стилистического орнамента, напитавших культурную и ментальную жизнь общества на многие годы вперед.

По мнению не только отечественных, но и ряда зарубежных ученых, специфические черты лучших произведений русской литературы созвучны евразийской системе ценностей и наиболее полно проявились в творчестве многих российских и советских писателей [1]. В частности, можно отметить в качестве такой черты коллективизм. Экзистенциальная установка: не «я», а «мы» в качестве социального эталона присуща всем народностям евразийского пространства. Но проявляется в каждой конкретной культуре по-разному, или

поворачивается своей индивидуальной гранью. Например, в Монголии, коллективизм, прежде всего, проявляется в традициях боевого братства. А в России он выявляется не только в социальном плане, но, прежде всего, – в моральном измерении. Конечно, коллективизм – это всего лишь один и аспект культурного евразийского кода, и в русской культуре он приобрел свои, индивидуальные черты.

Так, в произведениях Василия Макаровича Шукшина мы можем эксплицировать эту специфику коллективизма. Помимо ряда евразийских ценностно-культурных констант, отразившихся в отечественной классической литературе и получивших свое развитие в работах В. Шукшина, таких как установка на приоритет духовных ценностей над материальными, социальная открытость и активность, в творчестве Шукшина особое место занимают ценности коллективизма, проявляющиеся в равнодушном отношении к миру и людям; в нравственном самоопределении; в личной ответственности за происходящее в социальном пространстве, за лучшее мироустройство; в утверждении потенциальной ценности каждого человека (даже самого «маленького»), его права на уважение и раскрытие самых светлых сторон души.

Типаж маленького человека в творчестве Шукшина трансформируется в образ чудика – героя, который совершает, с точки зрения обывателя, странные, нерациональные поступки и которого постоянно «заносит не туда». При этом совершенно очевидно, что автор противопоставляет чудиков сонным обывателям, эгоцентричным и сосредоточенным лишь на своем узком мирке, не имеющим ясного морального сознания и стремления к общему благу. При этом этика шукшинской малой прозы, как, впрочем, у большинства русских классиков, – это не заповеди и не развернутое морализаторство, а художественные приемы и средства, с помощью которых он раскрывает характер так, что читатель за различными внешними наслоениями может разглядеть светлое зерно в человеке.

Поэтика душевного света, излучаемого героем, – еще одна оригинальная черта русской литературы, унаследованная Шукшиным. Для сравнения вспомним, у западных авторов в характерах героев, и их поступках нет этой ясности, нет

акцентов, помогающих различить, что есть добро и что есть зло. В характерах персонажей все перемешано, и в них нет стремления к однозначному нравственному выбору.

Шукшин же, следуя русской литературной традиции, рассказывает о своих героях так, что в каждом из них четко проявляется нравственная цельность, его моральный стержень.

И коллективизм, как ценностный камертон, подается Шукшиным в свете извечного конфликта добра и зла, жизни и смерти, правды и лжи, жертвенности и своеволия. Он как бы удостоверяет библейскую истину о том, что без праведника не стоит ни село, ни город, ни страна, и воплощает в своих произведениях драматическую борьбу, при которой не всегда в душе человека побеждает добро. Василий Макарович предвидел и предупреждал об опасности усиливающейся тенденции приоритета материального над духовным, потребительского отношения к жизни и миру над творческой и гражданской ответственностью. К сожалению, мы можем сегодня констатировать, что современное состояние мира – это, в определенном смысле, печальное прогностическое свершение шукшинского нравственно-этического предупреждения: "Нам бы про душу не забыть!".

Обращаясь к рассказу В.М. Шукшина «Забуксовал» в качестве примера воплощения специфики выражения в отечественной культуре ценности коллективизма, заметим, что это произведение является одним из самых литературоцентричных в творчестве писателя. В нем использован прием текста в тексте через включение реминисценции известного Гоголевского лирического отступления: «... Эх, тройка! Птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи...». В этом рассказе В. Шукшин заостряет внимание на амбивалентности образа гоголевской тройки, представляя на суд читателя особый историко-культурологический взгляд на финал «Мертвых душ», который некогда он сам так же, как и его герой, с удивлением открыл с помощью таких авторов, как Ф. Достоевский и Д. Мережковский. Показательно, что ремини-

сценцию гоголевской тройки можно найти в диалоге между прокурором и адвокатом в «Братьях Карамазовых». В их прениях образ тройки, пожалуй, впервые в русской литературе был сопоставлен с бричкой Чичикова. И, конечно, Шукшин, будучи большим знатоком творчества Федора Михайловича, не мог не обратить на эту литературную аллюзию своего внимания [2].

Герой рассказа Роман Звягин – рабочий совхоза, со школы полюбивший чтение художественной литературы. Он слушает сына, который готовит к уроку лирическое описание птицы-тройки Гоголя, и предвкушает радость от погружения в узнаваемую стихию слова, образов и ритма. Но неожиданно для себя Роман вдруг испытывает удивление, увидев в знакомом тексте совершенно новый смысл. Он обнаруживает, что гоголевская тройка несется не сама по себе, а везет Чичикова, который является по своей сути шулером и мошенником. «Вдруг – с досады, что ли, со злости ли – Роман подумал: «А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова?» Роман даже привстал в изумлении... Прошелся по горнице. Точно, Чичикова везут... Вот так троечка!» [6].

Звягин поражен собственным открытием и пониманием того, что фигура Чичикова, который явно присутствует здесь в качестве ездока, разрушает традицию восприятия Руси-тройки, как образа стремительного движения, удали, напряженной внутренней динамики.

Обескураженный Роман обращается к школьному учителю своего сына с вопросом: «Летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают – Русь-тройка! ... А кто в тройке-то? Кто едет? Кому дорогу-то? Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым все шапки снимают?». – Но в тройке-то мошенник, прохиндей, шулер, который мертвые души скупал, действительно, – в чем тут гордость? [6].

При этом, очевидно, что сам автор в «Мертвых душах» время от времени подводит читателя к мысли о том, что Чичиков не просто заблудившийся в этических вопросах охотник за материальными благами и социальным статусом, а представитель inferнального мира, хотя и изображенный в комичной стилистике.

Учитель литературы по-своему пытается разъяснить герою рассказа, что образ несущейся тройки лошадей необходимо рассматривать с позиций культурной традиции XIX в., когда он в общественном сознании семантически воспринимался как самодостаточный, – вне зависимости от находящегося в повозке путника. Но, несмотря на доводы учителя, Роман испытывает смешанные чувства разочарования и удивления. В итоге спора с учителем герой остаётся уверенным, что в тройке везут именно Чичикова. Но необходимо отметить, что интерпретация метафоры «Руси-тройки» Шукшиным недостаточно прозрачна. Для него в данном случае важно предельно заострить вопрос, заставить задуматься своего читателя, чтобы самостоятельно найти на него ответ.

Роман Звягин – один из шукшинских «чудиков». Он так же стремится во всем «дойти до самой сути», ему так же небезразлично положение дел в стране, проявление мещанского, потребительского отношения к жизни, общей несправедливости. И поэтому он не может не задуматься о несоответствии изначальной сути образа птицы-тройки и сидящего в ней Чичикова. Герой одновременно и по-доброму комичен, и серьезен: комичен в своей попытке вникнуть в профессиональные вопросы классической литературы и серьезен в самой постановке вопроса, имеющего решающее значение для будущего страны. В его размышлениях проявляется одна из главных идей Шукшина – непримиримое отношение к культу материальной выгоды, обывательской психологии, той социальной болезни, развитие которой он все больше замечал вокруг себя. Всем своим творчеством Василий Макарович как бы предупреждал и своих современников, и будущие поколения о нарастающей угрозе культурной деградации и одичания, произрастающей из меркантилизма и индивидуализма.

Что же касается истолкования Шукшиным лирического отступления в финале «Мертвых душ», по мнению ряда исследователей, писатель напрямую примеряет его образ к окружающей его реальности. Являясь выразителем самого духа эпохи, Шукшин, конечно, более чутко воспринимал те тенденции в социальной жизни, которые многие современники

не замечали или не видели в них серьезной нравственной проблемы. И действительно, с одной стороны, стремительность русской тройки символизирует новые возможности развития, энергичное движения в прекрасное будущее, однако, с другой стороны, в тройке появляются и пытаются ею править современные Чичиковы, – по сути, безнравственные личности, воры и преступники. К сожалению, вопрос, на котором «забуксовал» герой рассказа, остается и поныне открытым и остро звучащим в современном этическом и интеллектуальном дискурсе. «Маленький человек», чудик, Роман Звягин, выходя за пределы своего маленького «эго», вырастает в зрелую личность, подлинную индивидуальность, которую прежде своих личных проблем, волнуют вопросы судьбы страны, необходимости для каждого человека нравственного выбора, чтобы Чичиковы больше не правили русской птицей-тройкой, чтобы сбылись надежды на светлое будущее России.

Библиографический список

1. Вэньфэй Лю. Как русская литература сформировала русскую общественную мысль [Электронный ресурс] URL: <https://inosmi.ru/russia/20130520/209163627.html>

2. Глушаков П.С. Тема «Шукшин и Гоголь» в исследованиях последних лет (к интерпретации рассказа «Забуксовал») // *Przegled Rusycystyczny*. 2011. № 1 (133).

3. Зубова О.В. Особенности истолкования рассказа В. М. Шукшина «Забуксовал» в литературоведении и кинематографе // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «Русская филология». 2014. № 2.

4. Сигов В.К. Русская идея В.М. Шукшина: концепция народного характера и национальной судьбы в прозе. М., 1999.

5. Спиридонов В.Н. В «защиту» Русской Тройки // *Дружба-3*. Слово и образ в художественной литературе: третий совмест. сб. науч. ст. фак. рус. филологии Моск. гос. обл. ун-та и каф. русистики и лингводидактики пед. фак. Карлова унта в Праге / ред.-сост.: Л.Ф. Алексеева, Радка Гржибкова М., 2003.

6. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3: Повести; Рассказы. М., 2005.